

Рыцарь-крестоносец Лютгер фон Варен когда-то ввязался в опасную историю. Выполняя поручение Тевтонского ордена, он неминуемо погиб, если бы не вмешательство благородного предводителя тюркского племени, мудрого Эртургула. Тогда он не только спас рыцаря и его отряд, но и выкупил из рабства красавицу Сюрлетту. Загадочная девушка пришла по сердцу крестоносцу. Но судьба разлучила их. Спустя годы Лютгер фон Варен получает новое задание от ордена — помочь выявить и покарать еретиков в одном из горных селений. Среди них оказалась семья Сюрлетты... Крестоносец должен исполнить свой долг перед орденом. Или преступить клятву...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5759-7

9 786171 257597

Алина Немирова
Григорий Панченко

Потерянная
Принцесса

Алина Немирова
Григорий Панченко

Потерянная
Принцесса

Алина Немирова
Григорий Панченко

Потерянная Принцесса

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Н50

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Иван Дубровский*

ISBN 978-617-12-5759-7

- © Г. Панченко, А. Немирова, 2019
- © Depositphotos.com / sibrikov, alessandroguerr, jopics, anton-tokarev, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Часть I

I

Умереть им всем предстояло еще до ночи, не позже первых сумерек. И то благо: к смерти они приготовились еще утром. Впрочем, нет, не благо. Мучителен и труден оказался для братьев этот день.

А ведь прошлым вечером ничто этого не предвещало. Увидели отряд сарацин, открыто следующий по положому склону, возмутились такой наглостью, ударили с налета, не устранившись численного превосходства... Что это не сарацины и что в сложившихся обстоятельствах такое превосходство следовало бы уважить, поняли очень быстро — и вовремя сумели оттянуться назад, почти без потерь. Повезло: те тоже слегка оторопели от наглости внезапной атаки. Да и отбросил их этот таранный натиск, рассеял, чуть было и в самом деле не смял. Дюжина копий полного состава — не шутка. Особенно если десять из них тевтонские.

Впрочем, вскоре, даже слишком вскоре, чужаки опомнились, оценили соотношение сил — и погнались братьев неотступно, как волки. Счастье еще, что местность им была в новинку... Лютгер, быстро переглянувшись с Бизанти, вывел свои копыта к валунной гряде, откуда деваться было вроде бы совершенно некуда. Поэтому преследователи и не торопились, приотстали, сберегая силы коней... А на самом-то деле оттуда открывался путь в три расходящихся ущелья, все одинаково каменистые, всадники там следов не оставят.

Главное — успеть исчезнуть из виду, и это получилось — враг не прямо на плечах висел.

Вот теперь пусть гадают, особенно когда тьма падет. Могут, конечно, натрое свое войско разделить, но тогда, даже если настигнут, окажутся в положении охотника, поймавшего секача за хвост.

Чужаки, скорее всего, это понимают и рисковать не станут. Так что двинутся всеми силами по какому-то одному из ущелий. И тут уж — один шанс из трех...

Однако чужаки поступили иначе. Основные силы придержав позади, они хлестнули вслед беглецам треххвостой плетью легких полусотен. То есть по двум другим ущельям, может, и десятки послали, как знать? А их настигла полусотня. Уже во тьме, но луна светила некстати ярко.

Счастье и чудо, что они сумели эту полусотню вырубить подчистую, ни единому не дав уйти. Тут главное было подстеречь, обернуться из бегущей дичи охотником. Одолеть-то просто: их все еще оставалось десять братьев-рыцарей, каждый со своим копьем, то есть по семеро конных ратников-полубратьев при каждом, и двое «гостей», ну, у этих копия рыцарские, не орденские, по пять ратников при полном оружии. На самом деле после недавней стычки число ратников чуть уменьшилось, но все равно — сила. Особенно если атаковать грамотно. Что тут сможет поделывать жалкая полусотенка без доспехов, с луками и саблями, на легких некованых конях...

Тем не менее отбивались чужаки люто и сумели еще уменьшить число бойцов чуть ли не в каждом копье. Последний даже едва не ушел. Да что там «едва» — ушел бы: пятеро его сородичей встали в заслон и отважно умерли, чтобы он пробился на простор, а там его настичь оказывалось некому. Лютгер рванулся было, но он явно не успевал.

Значит, все. Домчит весть своим, те сразу, еще до наступления утра, возьмут верный след — и уже не оторваться...

Бизанти в бою не участвовал, да от него, проводника, этого и не ждали. Но тут он вдруг ударил пятками своего коня, перемахнул через завал трупов, лошадиных и людских, и устремился следом. Тоже без доспехов, легкий, лишь с тремя дротиками-джеридами в седельном туле, на прекрасном арабском скакуне, не изнуренном сражением, он догнал беглеца почти сразу. Тот обернулся к нему с последней стрелой на тетиве, однако Бизанти коротко взмахнул рукой — и чужак полетел из седла, пронзенный насквозь: кажется, даже выстрелить не успел.

Затем проводник взмахнул рукой еще дважды. После первого взмаха лошадь чужака вздыбилась. Грузно опустилась на все четыре, мотнула головой, будто в недоумении, но свистнул последний джерид — и она рухнула.

Лютгер наблюдал за этим с некоторым изумлением. Да, упустить ее было нельзя: лошадь без всадника, получишь у нее ускакать, сама по себе вестью станет. Но намного резвее был галоп жеребца Бизанти... а им сейчас ох как не помешают запасные кони... Неужто и вправду поймать отчего-то оказалось настолько труднее, чем убить?

Проводник приближался ходкой рысью, держась в седле как влитой, и Лютгер сам не понял, отчего его удивление вдруг сменилось беспокойством. Лишь когда всадник оказался в полутора рутах¹ от него, вдруг сделалось ясно: выстрелить чужак все-таки успел.

Стрелу, пронзившую грудь, Бизанти выдернул и теперь держал ее в правой руке. Рану зажимать не пытался: даже в мертвом обманчивом мерцании лунного света было видно — это без толку.

— Смотри! — произнес Бизанти неожиданно звонко. Последним живым усилием протянул стрелу Лютгеру —

¹ Рут — средневековая германская мера длины, обычно составлявшая около пяти метров. (*Тут и далее прим. авт.*)

и обмяк, повалился на шею нервно затанцевавшего на месте жеребца.

Скрипнув зубами, Лютгер той же рукой, что взял стрелу, ухватил и повод. Сменные лошади и вправду сейчас нужны, они в цену жизни.

Повернул к своим. Навстречу ему, прямо по телам, выехал Бруно, почему-то все еще с мечом наголо, будто хотел бой продолжить. Впрочем, опомнился. Бросил клинок в ножны, поднял забрало, хотел заговорить — но Лютгер опередил его:

— Кто?

— Брат Удо и брат Мостар. А брат Карстен ранен.

Другие воины, кроме братьев-рыцарей, для него не существовали. Лютгер промолчал, через плечо Бруно нашел взглядом сержанта Матиуса. Тот высоко поднял обе руки с широко растопыренными пальцами, потом левую пятерню сжал в кулак, а на правой снова пальцы развел — четыре, поджав большой. Ясно.

— И еще Бизанти ибн Курух, — подытожил Лютгер. — Доблестный рыцарь и наш брат во Христе. Вечный покой даруй ему, Господи, и свет вечный да воссияет ему.

Сейчас он уже снова смотрел на Бруно. Но даже если у того и шевельнулись губы, поди это различи: луна столь глубоко под забрало не заглядывала.

Мимолетом подумалось, что лучше бы им и вовсе не видеть лиц друг друга. Но увы: у обоих были новые шлемы, выкованные по особому заказу, с полностью поднимающимся налечником. В бою это иногда бывает очень полезно, пусть даже увеличивает риск. Однако сейчас...

— Да упокоит Господь его душу, — в один голос подхватили оба оказавшихся рядом гостя, бретонец Жансель де Тьерри и британец Мархог. А еще брат Вольфганг и с десяток ратников-полубратьев — все, кто был тут. После чего стало совершенно неуместно отвечать командиру что-то

в таком духе: «Из сарацин подлинных христиан не получается, рыцарями они тоже не бывают».

— И да примет ее в свою славу, — деловито продолжил отец Петар, которого только что поблизости не было. Впрочем, он всегда успевал вовремя туда, где без него сложилось бы хуже. — Через Христа Господа нашего. Аминь.

Теперь уж и вовсе незачем стало что-то возражать. Да и некогда. Едва хватило времени над своими мертвыми краткую молитву прочесть. А потом предстояло взять уставших коней в повод, пересесть на тех, что посвежее, — и спешить прочь. Ибо не вернувшаяся полусотня — это ведь тоже весть, точно указывающая, по какому из ущелий надо отправлять погоню. Вот только теперь она запоздает. Может запоздать.

Лютгеру подвели было одну из трофейных лошадок, но он пересел на коня Бизанти: тот не всякого всадника примет, да и вообще... И только тут заметил, что продолжает держать стрелу: ту самую, которую вручил ему проводник, считая это важным. Самым важным в последние мгновения своей жизни.

Стрела действительно выглядела необычно. Наконечник ее был огромен, почти в ладонь: чуть ли не как у малого копьеца.

— Тартары, — сказал Бруно. Он так и сидел на своем громадном жеребце, хотя ему тоже подвели сменную лошадь: ту самую, от которой отказался Лютгер. — Воины ада. Показывал мне дядя их стрелы...

Наверное, он был прав. Бруно вообще довольно часто прав оказывался, ибо умен, опытен и многознающ. И родней богат, хотя это для орденского брата, может, не такое уж благо.

Но о воинах ада ему совершенно точно не следовало говорить в полный голос. От этих слов по отряду сразу круги пошли, как от камня, брошенного в пруд.

Лютгер кивнул, принимая к сведению, — и рысью послал коня вперед.

* * *

В мировых окраинах просвистев осою,
 Саранча надвинулась черной полосою,
 Выкосила пастбища смертною косою,
 Жалами язвящими изготовясь к бою¹.

Адские выходцы. Тартары, они же татары, а еще их почему-то мунгалами иногда называют. Стрел их Лютгеру прежде видеть не доводилось, а те, которые свистели сегодня, не удалось рассмотреть. Но о самих воинах из ада он слышал, конечно. Да кто о них не слышан...

Вроде прежде не заходили они в Святую землю. Но на окраинах ее слух о них уже пошел — и если хоть десятая часть того, что рассказывали, была правдой, то расстояние им не помеха.

Говорят, что против них еще ни один осажденный город не выстоял. И в поле тоже христианское воинство победы над ними не одерживало: ни в Венгрии, ни в Полонии или Руссии, ни в Персеиде с Тураном. Эти последние, правда, не христианские страны. Что ж, им от адских сил тоже пощады нет.

В справедливой ярости род людской карая,
 Дланью наказующей судьбы размеряя,
 Страшный Тартар Бог разверз от края до края,
 Тартара копытами грешных попирая.

А сейчас под копытами малорослых тартарских лошадок и могучих орденских жеребцов гнойно пузырилась болотистая жижа: скверная вода, ржавая, будто кровью подкрашенная, вот только разглядывать ее цвет некому. Ночь

¹ Здесь и далее — отрывки из рифмованной латинской рукописи середины XIII в. «О татарском нашествии». Цитируются в переводе М. Гаспарова.

растянула над землей черный плат, шлемы всадников мертво поблескивают в лунном свете, а на уровне конских бабок даже тени не ложатся — сплошной мрак, непроглядный, зыбкий. Трескуче ломается жесткий тростник. Такие вот неожиданные болотца посреди щебенистых пустошей — проклятие здешних мест, но раз уж они есть, о них надлежит знать... и использовать себе во благо.

Может быть, выходцы из Тартара о них не слышали. Хотя у них там, наверно, болота из серного пламени.

Тартара с татарами
Разимые ударами,
Стонем мы от оного
Воинства Плутонова!

Глупость все это. Если не прямая ересь, богохульство, дезертирство, оставление в страхе рядов воинства Господня. Из плоти и кости тела этих воинов и их ездовых животных, берет их оружие, как любого смертного. Подвластны они усталости. Ошибаться тоже могут.

Вот пусть они ошибутся этой ночью, пусть гнилая трясина станет для преследователей худшей преградой, чем для преследуемых...

Тьмой Тартара изрыгнуты,
Геенною воздвигнуты,
Свирепствовать подвигнуты
И ими мы настигнуты!

Вот и врешь, неведомый клирик, сочинивший эти строки, не настигнуты!

Говорят, реки они пересекают, пуская коней вплавь и сами плывя рядом, вооружение же переправляя на надутых мехах. Что ж, пусть применяют это искусство в болоте, пусть попробуют напоить коней солоноватой влагой! И сами пусть надышатся лихорадочным смрадом. А нам дай силу

выстоять, о Боже, прибежище наше в бедах, да обретем мы избавление по милосердию Твоему...

Звенело комарье. Проникало под кольчуги, жрало поедом.

Царства опрокинуты, вытоптаны грады,
Под кривыми саблями падают отряды,
Старому и малому не найти пощады,
В Божиих обителях гибнут Божьи чада.

Что ж. Наша обитель — с нами. Если все же будем достигнуты, то о пощаде молить не станем, но дорого продадим то, что враг думает взять за дешевую цену.

И вот тут, наконец, кончилась жижа, и под копытами зазвучал даже не камень, а травянистая степь.

Чуть не повалились все наземь от облегчения, люди и лошади. Но нельзя. Лютгер даже перевел коня с шага на рысь, так что остальным волей-неволей пришлось подтягиваться, пусть и из последних сил. Только в десятый раз дочитав про себя «Те Деум», объявил привал. И то сомневался — не рано ли, лучше бы раз пятнадцать, но что тут поделаешь, следует идти шагом слабейшего, а слабейшие и вправду были готовы упасть.

— Одно копые в дозор. Брат Бруно, у тебя все люди целы?

— Да, брат Лютгер.

Вдруг засомневался: следовало ли именно этому копыю приказ отдавать? Но Бруно уже подал знак своим людям, и они стянулись к нему, чтобы выслушать распоряжения.

Вокруг раскинулся невысокий саксаульник. Кто-то из полубратьев устремился было к кустам, чтобы веток для костра наломать, но сержант Матиус глухо рыкнул на него — и тот осекся.

Скупо напоили коней из кожаных фляг, себе оставив лишь по глотку. Всухомятку перекусили несколькими горстями сухой чечевицы — овечий сыр, соленый, сейчас в горло не лез. Наспех проверили повязки раненых: только у одного

рана начала кровить сильнее, остальные как-то перемоглись, и главное, перемогся брат Карстен, что раньше было не очевидно. Выпущенная почти в упор тяжелая стрела, точно такая же, как и та, которую вырвал из своей груди Бизанти, пробила Карстену пришлемную бармицу и глубоко вошла в шею — но, как стало ясно только сейчас, не задела ничего важного. Воистину чудо. Отец Петар, перекрестив повязку, бодро заявил: «Теперь до ста лет жить придется: *non bis idem!*¹». Брат Карстен бледно улыбнулся.

— *От стрелы его проклятой*

Не спасут ни щит, ни латы, — тихонько проговорил он, должно быть, проверяя, как действует горло, с которым уже почти готов был распрощаться.

— Сын мой, сын мой... — укоризненно покачал головой отец Петар. И, сам не удержавшись, тут же продолжил:

— *Их стрелы пролетают вдаль,*

Их стрелы пробивают сталь...

Смущенно хмыкнул, но тут же махнул рукой. Чего уж там: сейчас, конечно, у всех одно на уме.

— А правду говорят, что тартарские кони человеческим мясом вскормлены? — робко осведомился какой-то совсем юный ратник. Имени его Лютгер не помнил, а пожалуй, что и не знал: это был человек из копыя брата Ланге, даже не полубрат, а просто кнехт, боевой слуга. Вот Ланге бы и следить за тем, что болтают его люди, однако он сидит на сложенном плаще рядом и, судя по всему, ничего не имеет против.

— Ну, сын мой, ты ведь сейчас вроде на таком коне и ехал, — отец Петар весело взглянул на парня. — Как, не отгрыз он от тебя кусок?

Вокруг приглушенно хохотнули. Кто-то тут же предположил, какой именно частью юноши свирепая лошадка должна была пообедать. Лютгер тоже усмехнулся: трофейные

¹ Здесь: «дважды в одно место не попадает» (*лат.*).

лошади были свирепы и непокорны, но не настолько, чтобы создать умелому всаднику вовсе уж неодолимые сложности. А умелы тут все.

Вообще же чего и ждать от коней, только что сменивших владельцев? Подседельная тварь, которая в таких случаях сразу покоряется, — это не боевой скакун, а какая-то неездячка, ко всему безразличная. В сражении от нее проку мало.

С кремневыми копытами,
Подковами подбитыми,
Кореньями питаются,
Со стойлами не знаются!

И снова ты соврал, неведомый клирик: вовсе не кованы тартарские лошади. Хотя насчет копыт ты не ошибся — каменной прочности они. Пожалуй, таким подковы и не требуются.

С вершин дальних холмов перекликались шакалы обычными своими голосами — словно на волчий вой плач ребенка накладывается. Пока было не похоже, что их кто-то беспокоит.

Будто камень из пращи, стремительно пронеслась летучая мышь.

— А правду ли говорят, отче... — начал было другой ратник, но Лютгер за разговором уже не следил, ощутив присутствие Матиаса. Повернулся к нему, вопросительно подняв бровь.

— Кольчугу бы вам снять, хозяин, — негромко посоветовал сержант. Он, старший в копье, пользовался негласной привилегией обращаться к своему рыцарю по-простому, как зажиточный селянин к землевладельцу. — Хоть верхнюю.

— Выдержу.

— Кто спорит. Всю ночь выдержите. А поутру, когда она вам по-настоящему понадобится, держаться будете уже из последних сил.

— Пожалуй... — с очевидным Лютгер спорить не стал, давно уже вышел из такого возраста. — Помоги-ка.

Осторожно стянул через голову верхний кольчатый доспех, безрукавный, на толстом подбое из барсучьего меха. Подумав немного, развязал шнурок у ворота — и хауберк¹ снял тоже, весь целиком, вместе с капюшоном и кольчужными рукавицами, будто змеиную кожу сбросил.

Как всегда в эти первые мгновения, словно заново на свет родился: легко стало, хоть выше головы прыгай. Зато броня, перекочевав с тела на руки, обманчиво налилась неподъемной тяжестью. Сержант привычно перехватил ее. Сам он так и стоял в железе; впрочем, у него кольчуга попроще — и лишь в один слой.

— И поножи тоже, хозяин. Дайте-ка пособлю.

— Не надо: потом возиться, зашнуровывать заново... Не будет у нас столько времени. А это на Вервольфа погрузи, — Лютгер понизил голос, покосившись в сторону отца Петара. Чуть заметно улыбнулся: священник очень неодобрительно относился к тому, что коням дают имена «бесовской нечисти», но уж так у братьев-рыцарей повелось. Брат Христиан своего жеребца Грифоном назвал, а конь брата Хагена и вовсе Мантикором именовался, ибо зело кусач был, словно обладал тройным набором зубов.

Имени арабского жеребца, доставшегося ему от Бизанти, Лютгер не знал. Прежний хозяин называл его Садык, то есть «брат», но это было внешнее обращение, для посторонних ушей, а подлинное имя — оно меж ними двумя было, в тайне...

— Нет, не Магомеду они молятся, — отвечал Петар очередному ратнику. — У них в чести даже более древнее зло: Астарот, Белиал, Аполлон и... как его... Тенгри — это

¹ В XIII в. хауберк — основа рыцарского доспеха: кольчуга с длинным, обычно до колен, подолом, с рукавами как минимум до запястий (иногда соединенных с кольчатыми рукавицами) и высоким воротом (в некоторых случаях соединенным с капюшоном-оголовьем).

их мунгальский Сатана. (Вокруг испуганно закрестились.) Да тебе-то что: устрями свои упования к Господу, спасителю нашему, источнику света и целителю всех грехов — вот и жив будешь вечно, даже если падешь, сражаясь против языческих идолов!

Вокруг снова закрестились, но теперь с явным облегчением.

Повезло им со священником. В других знаменных отрядах святые отцы могли разве что мессу отслужить или исповедь принять. Тоже полезно, уж всяко угодней Господу, чем взаимные рыцарские исповеди по орденскому канону. Но у них отец Петар, несмотря на некоторые чудачества, — воистину укрепа ослабшим душам, да и телам врачеватель. А вражеским телам — наоборот.

Что же до чудачеств, то они духовной особе простительны.

Лютгер махнул сержанту рукой: поспеши. Ибо время передышки и вправду заканчивалось.

Поежился: ночная прохлада напомнила, что поддоспешное одеяние от пота мокро насквозь.

— Может, не стоит Вервольфа грузить, хозяин... — Матиас задумчиво взвесил на могучих руках чуть слышно звякнувшую броню, покачал головой.

— Стоит. Ничего. Такой вес его не изнурит, меня же нет внутри.

Главное вслух произнесено не было, но они и без слов поняли друг друга. Сержант предлагал Лютгеру подвести для доспехов еще одну лошадь, наверное, из числа тартарских. Это бы позволило лучше сберечь силы Вервольфа — и для Лютгера, командира, лишняя лошадь даже в нынешнем их положении найдется, никто слова против не скажет, но...

Но... Если занять ее под перевозку кольчуг, значит, завтра поутру кто-то будет ехать на совсем заморенном коне.

А ведь завтра поутру им всем надлежит быть на как можно более свежих лошадях. И в доспехах, конечно.

Племя кровожадное,
Громадное и гладное,
В коварствах беззаконное,
В набегах необгонное!

— А правда ли, святой отец, что будто бы у тартар острия и лезвия просмолены гееннской смолой и окурены тамошней серой? — задал вопрос очередной ратник. Этого Лютгер знал: тоже из копия Ланге, но не кнехт, а мечник, Карл по имени. — Чтобы каждая рана от них адским огнем воспалялась?

Лютгер начал было движение, но остановился. Что толку затыкать дураку рот оплеухой, если камень уже брошен в пруд, сейчас от него пойдут круги — и оплеуха их только усилит.

— Врут, — равнодушно ответил Петар — и незримый камень, перехваченный бестелесной рукой, так и не достиг водной глади.

Брат Карстен украдкой ощупал повязку.

— По коням, — таким же равнодушным голосом, как и священник, произнес Лютгер. И даже не оглянулся проверить, споро ли все бросились выполнять его приказ.

* * *

Когда рассвет вырзовелся над грядой холмов, арабский жеребец еще сохранял достаточно сил, чтобы идти уверенной рысью, но Лютгер все же пересел на Вервольфа. И всем остальным скомандовал сменить лошадей на свежих. Остановки для этого делать не стали, раненым помогли соседи. Все четверо держались хорошо, а Карстен даже в броню облекся, правда, тяжелый шлем ему надевать будет покамест невмочь. Да, может, и не потребуется. Пока все без шлемов ехали.

Куда же их все-таки занесло? Бизанти бы и до того, как полностью развиднеется, определил, он тут каждую скалу

в лицо знает... знал. Лютгер же пока точно знал лишь одно: они сильно к северу от замка Шуф уклонились, и к востоку тоже. Ну, вскоре солнце взойдет...

Не похоже, чтобы у выходцев из Тартара были сейчас местные проводники.

Он украдкой оглядел ближних ратников. Бодрее всех выглядел Матиас, этой ночью имевший передышки меньше всех, чуть ли даже и не меньше своего рыцаря. Вон, даже напеваает что-то себе под нос.

Рыцарь прислушался — и очень удивился.

— Коцита воды слезные
И Стикса пламя грозное
Дохнули эфиопами,
Проклятыми циклопами!

В повествовании о выходцах из Тартара хватало строк попроще — для тех, кто и сам был попроще. Лютгер знал, конечно, что старший мечник его копыя на самом деле ох как непрост, но чтобы до такой степени...

— А знаешь ли ты, сержант, кто такие циклопы?

— Само собой, знаю, хозяин! — Матиас ни на миг не смутился. — Одноглазые великаны-человекоядцы. Во всяком случае, человечек у одного такого из пасти торчит.

— Где же ты видел такого, с человеком в пасти?

— На стене у нас в церкви, хозяин. Там и эфиоп был. Почти такой же, только черный, весь опален адским пламенем. И клыки кабаньи изо рта.

— Гм...

Между ними словно искорка проскочила. Матиас был родом не из того владения Варен, которое вот уже свыше века держат предки Лютгера... не совсем из того. Но церковь, о которой он говорил, Лютгеру, кажется, была известна. Правда, он, по крайней юности, плохо запомнил ту фреску, о которой говорил сержант, — но вроде что-то такое там

и было. Карта ада, геенны огненной, со всеми ее обитателями.

— Коцит и Стикс ты там же видел?

— Там, хозяин. Две адских реки, — словоохотливо объяснил сержант. — Меж тамошними чудищами вились, струили потоки жидкого пламени. Священник наш, отец Герт, любил во всех подробностях рассказывать, что и где в геенне находится, будто сам там бывал...

— Он-то мог знать и не побывав. А вот прихожанам такие рассказы на пользу — чтобы им после смерти своими глазами тех рек не увидеть!

— Воистину так, хозяин...

Чудище рогатое в мир дохнуло смуюю;
 Миролюбцы глупые гибнут смертью лютою;
 Дьявол миром властвует, сетью смертных путая,
 И волна стигийская ждет их, скорбно вздутая.

Лютгер вдруг осознал, что сержант его столь не в меру разговорчив то ли потому, что в восторге от своих несбывшихся тревог, то ли, наоборот, «забалтывает» опасность, все еще видящуюся грозной. Мгновение спустя он в точности то же самое понял и о себе самом.

Что ж, солнцу и вправду скоро взойти полностью. Тогда они окончательно разберутся, куда их занесло ночное отступление. Если замок Шуф окажется в пределах видимости, так у отца Петара даже будет возможность утрению наскоро отслужить, возблагодарив Господа за избавление от тартарской напасти.

Чтоб от ярости Господней,
 Чтоб от зева преисподней
 Нам избавиться сегодня, —
 Вознесем наш дух восходней...

Сейчас в дозоре копьё брата Рика. Он еще совсем малод, но люди его опытни. Один из них сейчас осторожно

пробирался по склону ближнего холма, чтобы полный рассвет встретить уже близ его вершины. Лютгер понукнул было Вервольфа, желая и сам в миг рассвета оказаться рядом, — но тут голова и плечи дозорного показались на фоне розовеющего неба.

В то же мгновение ратник вскинул руки, будто вознося молитву, и, покачнувшись в седле, опрокинулся навзничь. Его лицо, горло и грудь щетинились черенками множества стрел.

И сразу, будто великанской рукой в небо зашвырнутое, над грядой холмов показалось солнце. Багряное, распухшее, подобное глазу циклопа, яростно ворочающему по сторонам огненным зраком.

Кровавые тени потянулись от него вниз по склону.

Летит орда ревушая,
И гнушая, и мнушая,
Как туча, град несущая,
Как буря, в берег бьющая,
Летит с горы в долину,
Разливом чрез плотину...

* * *

И вот уже близок вечер, а с ним наступает время умереть.

В чем-то им повезло, что враг замкнул их кольцом меж холмами, а не на самой гряде. Тут, внизу, отыскался малый источник. Воду он сочил по капле, и сейчас каменистая яма в его ложе очередной раз была вычерпана до дна — однако это все же лучше, чем ничего. Фляги у всех опустели еще ночью, так что без родника солнце в союзе с тартарами до полудня умыло бы их отряд горячей желчью.

Впрочем, сами тартары обустроились куда роскошней. Оно и понятно: царство адского жара милостиво к своим подданным. Где-то по ту сторону холмов протекал ручей, и они посменно отводили к нему конные десятки. Дважды за день ветер доносил запах кизячного и саксаульного дымка

над незримыми кострами: как видно, вражеские предводители разрешили воинам побаловаться горячей пищей. Могли себе такое позволить.

С сарацинами был бы шанс, улучив момент, когда у них устанут кони и подысыжнут стрелы, пойти на прорыв, пробиться к тем, кто стоит в стороне под знаменем, и вырубить их подчистую — но воины ада такой оплошности не допустили. При первой попытке братья потеряли троих, ратников же чуть ли не вдесятеро больше, а до вражеских командиров так и не дорвались. Да и не выходило как-то понять, где эти командиры, потому били наугад, по самому большому скоплению всадников, — но те, сильные свирепой выучкой, огрызнулись очень уж смертоносно, а потом вдруг слаженно раздались в стороны, как бы открывая дорогу к бегству... которая стала бы путем смерти.

Пролетит и скроется рать передовая,
Устрашая саблями, но не задевая,
А на ободрившихся мчится рать вторая,
И тогда уж нет резне ни конца, ни края...

Братьям-рыцарям хватило опытности понять это, так что они не соблазнились. Отошли назад в межхолмье, огрызаясь арбалетными выстрелами, а когда тартары сунулись вдогон, возжелав опрокинуть их, — развернулись и обрубили дотянувшиеся до рыцарского строя кончики щупалец. Урон тогда причинили бóльший, чем понесли, однако что толку — врагу его легче пережить.

Среди прочих тогда пал брат Карстен. Не прав оказался священник с его *non bis idem* и предсказанием долгой жизни. Впрочем, над жизнью едино Господь властен, ныне и присно, аминь!

Вторая попытка, через час, вообще обманной была, с надеждой выманить на себя, под залп арбалетчиков, конных и спешившихся. Отчасти это даже удалось, вот только

к спешенным стрелкам, что ожидали в укрытии меж скалами, тартары на дистанцию верного выстрела не приблизились, а потому и серьезного урона не понесли.

Их стрелы бьют, а наши нет,
И недруг, лют, за нами вслед,
Как барс на жертву, прядает,
Дождем каленым падает!

На самом деле зло и метко бьют арбалетные болты, а против барса надобно становиться вепрем, превращаясь в сплошную оскаленную морду: чтоб тело исчезло и остались только глаза и клыки во все стороны разом.

В этот раз удалось отбиться, но не пробиться. А солнце, жадное и безжалостное, все сыпало с неба горячие угли, до багряного цвета раскаляло кольчуги, кипятило под ними пот. Томило раны. Обессиливало людей и коней.

Перед атакой, коей предстояло стать последней, выдалась особо долгая передышка. Оба гостя, бретонец с британцем, воспользовались этим, чтобы написать завещания, у обоих для такого случая было по клочку пергамента и флакону чернил. Де Тьерри справился сам, а Мархог не так-то грамотен оказался, пришлось ему у отца Петара помощи попросить, тот как раз закончил отпускать грехи умирающему кнехту.

Потом они долго маялись, не зная, что с этими завещаниями теперь делать. Бретонский рыцарь даже попытался было свое Лютгеру вручить как командиру, но напоролся на взгляд — и раздумал. Вовремя. Иначе услышал бы язвительный совет обмотать пергаментом арбалетный болт и пустить в сторону тартар, желательно так, чтобы прямоком их командиру доставить. В грудь.

Братьям-рыцарям завещать было нечего: все, что у них есть, — собственность Ордена. Давно распределены меж

родичами все семейные владения, и никому нет дела до того, что Лютгер, например, всего лишь фон Варен, а Бруно — целый фон Хельдрунген, пусть даже из младшей ветви...

Во всяком случае, никому не должно быть до этого дела. Особенно сейчас, перед лицом гибели.

К граду подступаются, хитростью вникают,
С яростью врываются и смертей алкают!

Вервольф затрепетал ноздрями, засипел, всхрипнул. Лютгер успокаивающе похлопал его по шее.

Шагом объехал котловину меж холмами, где им надлежало принять последний бой. По нему не стреляли, а если бы и начали, опасаться было нечего: на столь дальнее расстояние стрелы мечут неприцельно, да и то самые легкие. Кольчугу им не пробить, Вервольфа его стеганая попона тоже от ран уберезет.

Лютгер даже подумал: а вдруг? Запас стрел у тартар исчерпаем, силы их не безграничны тем паче, а над ними и их лошадьми слепящий жар того же солнца. Вряд ли каждому своему отряду ад подкрепление присылает, иначе давно уже весь мир пал бы.

С досадой поймал себя на том, что уж совсем через силу старается думать о врагах как о демонах, выходцах из преисподней. Нет. Кем бы они ни были — будь то неведомый языческий народ с мировых окраин или вправду порождения Тартара, — но здесь, в наземном мире, они всем Божьим законам подвластны. Двумя днями боев проверено.

Тут в воздухе переливчато засвистало — и Лютгер вскинул над головой щит, потому что с такой дистанции стрела падает почти отвесно, по крутой дуге. Он уже знал, как это бывает: кто-то из тартарских предводителей, определив наиболее опасного врага, пускает в него свистящую стрелу — и это знак для остальных лучников, по кому бить. Мгновенно оказывается тот истыкан стрелами.

Так сегодня все копьё брата Хельмута было выкошено вместе с ним самим.

Лук натянет, рот оскалит,
Дальним выстрелом ужалит,
Трижды важного умалит,
Трижды стойкого повалит!

Но ведь свистящая стрела — она и сама из тяжелых, бронёбойных, так далеко ее не послать. Или он опрометчиво подъехал ближе, чем можно было?

Однако стрелы вокруг посыпались без меткости, из десятка только одна ударила в край щита, слабосильно, даже не воткнулась: кажется, у нее вообще костяное жальце было.

Поворачивая коня, Лютгер оглянулся. На дальнем склоне высился один тартарин — в полной броне (что для этих воинов редкость!), даже шлем с наличником, конь его тоже панцирем укрыт от храпа до репицы хвоста. Всадник тоже смотрел на Лютгера. Угрожающе поднял лук, но снова стрелять не стал.

Понятно. Ему, значит, и не требовалось, чтобы стрела-свистулька долетела, достаточно лишь направление обозначить.

А колчаны у них, выходит, еще далеки от опустения.

Возвращаясь, Лютгер раньше других поравнялся со священником. Отец Петар был пеш; он зачем-то далеко отошел от своих, чуть ли не к центру котловины, но сейчас тоже возвращался.

Раздумав ехать дальше, рыцарь остановил коня рядом. Снял с седельной луки рог, дважды коротко протрубил: сигнал сбора на воинский совет. Этот звук, конечно, услышат и на холмах, но таиться от них уже не имело смысла.

Полуминуты не прошло, как вокруг собрались все, даже двое рыцарей-гостей, хотя их вообще-то никто не звал сюда,

сигнал касался лишь орденских братьев. Ладно, пусть постоят рядом, раз уж братьев все равно недочет. К тому же Мархог привел в поводу Петарова коня, а это точно кстати.

— Итак? — первым заговорил священник. — Что ты решил, сын мой?

— Ночью у нас появится шанс пробиться, — Лютгер обвел глазами всех. — Поэтому ночи они ждать не будут.

Он выждал немного, давая возможность каждому осмыслить сказанное.

— Что ж, мы все исповедались, — кивнул брат Христиан. Остальные молча склонили головы.

— Дадим им бой прямо сейчас? — предложил брат Рик. Глаза его сияли нездешним блеском, он уже был почти в раю, изнемогал от нетерпения.

— Экий ты торопыга, сын мой... — отец Петар неодобрительно поморщился.

— А и вправду, чего тянуть? — поддержал юношу брат Отто.

— Да вам-то, дети мои, и вправду нечего, ваши грехи отпущены, — в голосе священника звучало подлинное раздражение, — но когда тут один из братьев (не буду на него палицей указывать) сказал, что, мол, исповедались все — он кое о ком забыл. Мечники, арбалетчики, кнехты еще отнюдь не все к вечной жизни готовы! Что же, бросите их тут во грехе, как надменный полководец простую рать на поле боя оставляет, дабы самому спастись?

Отто только крикнул: возразить ему было нечего. Юный Рик весь залился багрянцем.

Лютгер быстро глянул на Бруно, но тот словно бы не проявлял интереса к происходящему.

— Прошу простить меня, друзья мои, — с явным смущением заговорил Жансель де Тьерри. — Мне, наверно, не следовало бы подавать голос в вашем собрании, но... но неужто это единственный путь? Мы уже доказали свое мужество,

бились храбро, никто не сможет с презрением сказать, будто мы сдались раньше, чем изнемогли. Не знаю, платит ли орденская казна выкуп, но я торжественно клянусь из доходов своего лена выкупить еще двоих, друзья мои и братья, а христианские владыки в Святой земле наверняка...

— *Эти* не станут брать в плен тех, кто пролил кровь столько их воинов, — резко ответил Мархог, которому в собрании орденских братьев голос подавать тоже не следовало, но сейчас даже хорошо, что гостю возразил гость. — И говорить тут не о чем.

— Я бы тоже не стал, — отчеканил Бруно. И это оказались единственные его слова за все время совета.

Солнце опускалось над раздвоенной вершиной дальнего холма, крася распадок багряной жижей. Еще долго до времени, когда вокруг зашевелиятся сумеречные тени.

— Воистину сказано: «Уже и секира при корне дерев лежит...»¹ — усмехнулся отец Петар, глядя при этом на бретонца. — Не бойтесь, дети мои. И ты не поддавайся страху, *герр* Жансель. (Бретонский рыцарь поежился.) На земле, где нам надлежит пасть, я начертил крест, — он указал в ту сторону, откуда шел, прежде чем поравняться с Лютгером. — Значит, вся земля вокруг, насколько хватит глаз, — святая. Это если кто в слепоте своей забыл, что и так-то вокруг — Святая земля.

— Благословим Господа! — хором произнесли все.

— Благодарение Ему! — священник размашисто осенил их крестным знаменем. — И давайте завершим на этом, дети мои, если начальник, поставленный над нами, не возражает. (Лютгер качнул головой.) Ибо моя паства сейчас в тревожном ожидании: успею ли я отпустить грехи всем им.

¹ Матф. 3:10. Эта цитата звучит предостерегающе, особенно с учетом продолжения: «...всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Смиренно дождавшись, когда «начальник, поставленный над нами» кивнет, подтверждая, что совет завершен, отец Петар ловко вскочил в седло, только доспехи прозвенели. Они на священнике были ничуть не легче, чем на любом из братьев-рыцарей.

Встал Господь Возмездия ныне на пороге,
Грозен меч разительный, грозно трубят роги, —
Да обрящет праведный утешенье в Боге,
Да оплачут грешники прегрешенья многи.

* * *

— А свое завещание, брат, ты, наверно, ему передал? — вполголоса осведомился Лютгер, когда они возвращались к отряду. И кивнул на святого отца, едущего чуть впереди.

— Я... — Мархог замялся. — Мессер Жансель передал, я, вслед ему, тоже хотел, но...

— Ничего, — Лютгер улыбнулся. — У отца Петара вправду много дел сейчас, и дела его важнее наших. Так где оно?

— Вот, — британец стукнул себя по груди. — Рядом с крестом, в ладанке. Четырежды сложенное. Когда демоны с моего тела кольчугу снимут — пусть сами решают, как с ним поступить. И спасибо, что назвал меня братом... брат...

Тут он смутился и умолк. Пока говорил — бел был как полотно: видать, близость райских врат его воодушевляла куда меньше, чем юного Рика; а теперь вдруг покраснел, сделавшись лицом чуть ли не под цвет своих волос, темно-медных. Тоже совсем молод он еще, этот британский рыцарь. И если называть его братом, то...

Лютгер скрипнул зубами. Послал коня вперед, опережая Мархога.

— И вовсе не так у меня много дел сейчас, сын мой, — негромко произнес священник, продолжая глядеть строго перед собой. — Паства моя, конечно, думает, что ее простые грехи отпустить страх как тяжело, потому без личной

исповеди не обойтись. Но на самом-то деле их души мне ведомы. А общая исповедь совсем мало времени потребует. Да и паствы уже мало осталось...

Мрачнеть при этих словах отец Петар не стал, краснеть или бледнеть тем более. Лицом он владел так, как подобает воину Христову.

Как тигров стая сушая,
Рычащая, грызущая,
Плоть рвущая, кровь льющая
Рекой, рекой невинной
В свирепости звериной,
Бесчинной, беспричинной...

— Так и я бы мог сказать, отче, что в тревожном ли ожидании наши люди или безмятежны, но нас они дождутся и свой долг выполнят неукоснительно, — в тон ему ответил рыцарь, тоже углом рта, головы не поворачивая. — Однако и вправду пора было совет заканчивать. Пока тартары к нам не явились свое суждение вынести.

— Воистину, сын мой. Кстати, не распорядишься ли насчет помощника? Рюдигер меня, сам видишь, обогнал, как только ему не стыдно... — Священник перекрестился.

— Отче! До помощников ли сейчас, в самом деле? Да и случая воспользоваться им не будет...

— До помощников, — взгляд отца Петара построжел. — Ныне и присно. Что же касается случая — то на все Господня воля!

— Да свершится воля Его. Тогда...

Они были уже совсем близко к «пастве». Матиас, в отсутствие всех рыцарей остававшийся за старшего, тронул каблуками коня и выехал навстречу, как видно, готовясь отрапортовать, что все тверды духом и готовы выполнить приказ.

— Тогда... — вдруг решился Лютгер, — да будет вам в помощь мой сержант, отче!

Он сказал это громко, чтобы Матиас услышал. И отвернулся, не желая увидеть его взгляд.

Ничего. Так и должно. В предстоящем бою Матиасу лучше не быть рядом с ним. Тот наверняка станет думать о защите и подмоге своему рыцарю больше, чем о самом сражении, иначе невозможно... а сегодня это не ко времени. Ибо в месте смерти — сражайся.

...Объята злобой пущею,
Гнетущею, не чтущею
Ни молодость цветущую,
Ни старости седины, —
Летит на нас лавиной
И губит в миг единый.

— Господу известно, чего стоила тебе эта жертва, сын мой... — священник посмотрел на рыцаря просто и строго. И перевел взгляд на сержанта. — Сойди с коня, сын мой. Тебя я исповедую лично.

И сам тоже спешился.

Исповедь оказалась быстрой. Лютгер едва успел выстроить поредевшие копыя в том порядке, как они прямо сейчас в бой пойдут, когда отец Петар появился перед строем — уже верхом, в кольчужном капюшоне, но все еще без шлема. Воздел руку двуперстно:

— *Passio Domini nostri Jesu Christi, merita Beatae Mariae Virginis...*¹

Орденские братья, уже безгрешные, стояли рядом со своими людьми, склонив головы и держа тяжелые шлемы перед собой.

¹ Начальные слова короткой молитвы для «общего» (не требующего индивидуальной исповеди) отпущения грехов, применявшегося на поле боя.

— *Et omnium sanctorum, quidquid boni feceris...*

Сержант Матиас, тоже безгрешный, верхом следовал за священником вдоль рядов. Искал ли он взглядом своего рыцаря, было не понять.

— *Amen!* — завершил отец Петар. И нахлобучил шлем на голову. Матиас сперва помог ему застегнуть пряжку, затем сам шлемом покрылся. У них у обоих были шлемы глухие, без забрал, с узкими прорезями в наличниках.

Лютгер свой подшлемный ремень застегнул собственноручно. Ему потянулись было помочь сразу двое полубратьев, но он отстранил их.

У него-то шлем был снабжен забралом, однако поднимать его было не время, так что мир Лютгера тоже сразу сузился до просвета глазной прорези.

Место в строю, пустующее без Матиаса, ныло, как загноившаяся рана.

* * *

У всех бывают чудачества. Отец Петар, например, считал, что духовному лицу не подобает проливать кровь — даже в бою и даже если это кровь неверных. Поэтому меч он не носил. И никакие доводы на него не действовали: ни то, что братья-рыцари тоже по сути своей клирики, ни рассказы о подвигах Эльсана¹. За упоминание Эльсана он вообще мог епитимью наложить.

¹ Эльсан — легендарный монах-воитель, персонаж одного из «дочерних» циклов, примыкающих к эпосу о Нибелунгах. Проведя 20 лет безвылазно в монастыре, он, уже будучи немолодым человеком, по зову короля Дитриха принимает участие в сражениях и турнирах, проявляя невероятную силу и доблесть. Некоторые из средневековых школ фехтования считали его своим неофициальным покровителем, приписывая ему изобретение особо эффективных приемов мечевого боя, — хотя на самом деле песни, где фигурирует Эльсан, таких подробностей не содержат.

Но сказать, что он не носил оружия вовсе, было бы ошибкой: для орденского священника это уж слишком большая роскошь. А палица — она, конечно, кровь обычно не проливает, особенно при ударе по кольчуге... Если же человек после этого не встанет, то такова уж его судьба. После ударов отца Петара вообще-то вставали редко.

Но в бою всякое случается, и иногда доводится «благословить» врага по шлему. От такого, понятно, иной раз кровь из носа и ушей хлынет, а порой даже глаз на щеку вывалится, что тоже без крови не бывает.

В таких случаях отец Петар очень огорчался, называл себя великим грешником. После сражения, бывало, порывался читать молитвы за загубленные души, даже если души эти принадлежали неверным. А это уже подлинный грех, да и просто ересь.

Немного утешало его сравнение последствий такого удара со взмахом аспергиллума, кропила для святой воды. От него точно брызги летят. Значит, можно считать: неверный в последний миг своей жизни получает-таки шанс принять крещение, раз уж все другие случаи он отверг. И это никакая не ересь...

Была и другая проблема. Все-таки, как ни крути, палица — оружие не на все случаи смерти. Кто бы иначе тогда мечи ковал? Иной раз враг, получив удар, пошатнется, упадет лицом на шею своего коня, но потом, глядишь, и в себя придет. Не через дни — через мгновения. Как раз когда ты к нему спиной окажешься.

Для подстраховки от такого был у священника помощник — Рюдигер, боевой кнехт. Огромный, свиреповидный, в совершенстве владевший искусством дорубать и докалывать. Своему пастырю он был верен беззаветно, спину его прикрывал в каждом бою... вот и сегодня прикрыв, а свою грудь от трех бронебойных стрел, пущенных почти в упор, уберечь не смог.

Отец Петар, с ревом развернувшись, сумел воздать должное одному из убийц; второму в сумятице ближней рубки отдал долг кто-то другой; третий же ускользнул.

Мчатся, скачут, ратуют, метят и пронзают,
Хищными волчищами грабят и терзают...

* * *

...Словно волки и гиены,
Коих манит запах тлена!

На самом деле секачу, когда он бросается в атаку, не дано полностью превратиться в клыкастое рыло. Это у него получается только в обороне, когда он вжимается задом в чашобу, в камышовый залом.

А когда вепрь атакует врага — его тело открыто. Тугое, щетинистое, крепкое на рану. Но все же уязвимое. Особенно когда враг — не барс, а многотелая свора кровожадных псов, за которыми маячат охотники, держа разящую сталь наготове, но избегая подступаться, пока собаки не сделают свою работу.

Страшный натиск с таранными копьями наперевес мог бы опрокинуть любой встречный удар, но нет сейчас в копьях-отрядах ни одного копья-оружия, сослужили они службу в первые сутки, изломаны во вражеских телах или брошены во время ночного бегства. Да и не сходятся адские воины с орденскими братьями грудь с грудью, сила на силу. Слаженно вертятся на своих злых конях, заходят с разных сторон языками пламени.

Все это ведомо по битвам с сарацинами, и от такой отравы есть противоядие. Но тут иная слаженность, и даже сила иная.

Горят огни клинков, грохочут о железо булавы и кистени. Дождем льются лучные стрелы. Редко, но весомо огрызаются в ответ конные арбалетчики.

Літературно-художнє видання

НЕМИРОВА Аліна, ПАНЧЕНКО Григорій
Загублена принцеса

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. М. Шелест*
Редактор *Т. О. Небесна*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Ю. Є. Туманцева*

Підписано до друку 01.07.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturpaу». Ум. друк. арк. 16,8.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

НЕМИРОВА Алина, ПАНЧЕНКО Григорий
Потерянная принцесса

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *О. Н. Шелест*
Редактор *Т. А. Небесная*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Ю. Е. Туманцева*

Подписано в печать 01.07.2019.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatupa.ua». Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Лицар-хрестоносець Лютгер фон Варен колись вплутався в небезпечну історію. Виконуючи доручення Тевтонського ордена, він неминуче загинув, якби не втручання шляхетного ватажка тюркського племені, мудрого Ертургула. Тоді він не тільки врятував лицаря та його загін, а й викупив із рабства красуню Сюрлетту. Загадкова дівчина припала до серця хрестоносцю. Але доля розлучила їх. Через роки Лютгер фон Варен отримує нове завдання від ордена — допомогти виявити та покарати еретиків в одному з гірських селищ. Серед них опинилася сім'я Сюрлетти... Хрестоносець має виконати свій обов'язок перед орденом. Або порушити клятву...

Немирова А.

Н50 Потерянная принцесса / Алина Немирова, Григорий Панченко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-5759-7

Рыцарь-крестоносец Лютгер фон Варен когда-то ввязался в опасную историю. Выполняя поручение Тевтонского ордена, он неминуемо погиб, если бы не вмешательство благородного предводителя тюркского племені, мудрого Эртургула. Тогда он не только спас рыцаря и его отряд, но и выкупил из рабства красавицу Сюрлетту. Загадочная девушка пришлась по сердцу крестоносцю. Но судьба разлучила их. Спустя годы Лютгер фон Варен получает новое задание от ордена — помочь выявить и покарать еретиков в одном из горных селений. Среди них оказалась семья Сюрлетты... Крестоносец должен исполнить свой долг перед орденом. Или преступить клятву...

УДК 821.161.1